

ШИПУЧКА

для

СУХОГО

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

Вселенная носорога

Мария Зайцева

Шипучка для Сухого

«автор»

2022

Зайцева М.

Шипучка для Сухого / М. Зайцева — «автор»,
2022 — (Вселенная носорога)

Я иду по тротуару, не оборачиваясь, спиной чувствуя пристальный пугающий взгляд случайно встреченного сегодня мужика. Он едет за мною, тихо-тихо, крадется на своей черной иномарке, а я даже и не знаю, как называется его зверь. У нас в последние примерно пять-семь лет очень много таких появилось. Черных, глянцевых машин с хищными, резкими силуэтами. И ездят на них тоже хищники. Жестокие, наглые. Этим хищникам плевать на закон, мораль и прочие глупости, о которых так сильно пеклась моя мама когда-то. Они делают, что хотят, берут, что понравится. По какой-то причине сегодня ему понравилась я... В книге присутствует нецензурная брань!

© Зайцева М., 2022

© автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Зайцева

Шипучка для Сухого

Глава 1

– Ольга Викторовна, со станции вызов. Просят вернуться.

Я отрываю взгляд от пролетающих за окном зданий мокрого Питера, смотрю на фельдшера Вадима.

– Зачем? Вызов отменили?

– Не говорят.

– Дай.

Я беру рацию:

– Почему отмена вызова?

– На вызов отправлена другая бригада. Вы – на станцию.

Диспетчер отключается, я только плечами пожимаю. Ладно. Странно, конечно...

Машина разворачивается и гонит обратно на станцию скорой помощи. В принципе, давно пора, уже четыре часа по городу мотаемся. Хочется кофе. И в туалет тоже очень хочется.

На станции первым делом ныряю в санузел, а уже потом иду выяснять, почему нас сняли с вызова.

Вот только не дохожу.

Впереди, заняв своими широченными плечами все пространство коридора стоит Вася. Я его узнаю сразу и складываю два и два. И чувствую, как злость затапливает. Даже не злость, ярость. И кто-то сейчас пострадает.

– Здравствуй, Ольга Викторовна, – Вася отходит в сторону, стараясь немного сжаться в размерах, почтительно наклоняет голову.

Я не отвечаю. Демонстративно прохожу мимо и иду в диспетчерскую.

– Лена, какого хрена?

– Ольга Викторовна, поступил индивидуальный вызов... Просят именно вас...

И глаза прячет, мерзавка.

Понятно все, получила столько сейчас, сколько в месяц не зарабатывает.

Я стою, смотрю на это безобразие. Черт! Ну вот кто так делает?

Хотя, о чем это я?

Ясно кто. Только тот, кому всегда было плевать на других. У кого совести отродясь не водилось. А вот денег и наглости – это прямо через край! Это просто всегда!

Я понимаю, что, скорее всего, получила не только Лена, но и отдыхающая бригада скорой, которую отправили вместо нашей.

И понимаю, что я ничего сейчас не сделаю.

Хотя нет, кое-что могу.

Посверлив сжавшуюся в кресле Лену тяжелым многообещающим взглядом, я выхожу в коридор.

Нахожу Васю, с готовностью развернувшегося в мою сторону. Ну плыви сюда, жертва...

– Значит так, скажи своему... Черт, не знаю, как вы называете теперь друг друга...

– Босс, Ольга Викторовна...

– Плевать! Так вот, передай своему боссу, чтоб он ШЕЛ НАХРЕН!

Последние слова я выкрикиваю в неэмоциональную физиономию амбала.

– Ольга Викторовна, вы же знаете, что я не могу явиться без вас.

– А вот и проверим!

Я разворачиваюсь и иду в комнату отдыха. Все, кофе и ноги вытянуть! Ну, может, еще и успокоительное тяпнуть. А то несет ведь меня, от злости аж в голове мутно. Или это от недосыпания? Дежурство на исходе, смена была та еще...

Я чувствую, как все кружится перед глазами, и, наверно, оступаю, потому что Вася моментально подсакивает и без разговоров поднимает на руки. И несет к выходу со станции, подлец!

Пользуясь тем, что я не могу сопротивляться!

Я пытаюсь оттолкнуть, шиплю сквозь зубы:

– А ну поставил меня, медведь-переросток! Сейчас же! А то пожалуюсь твоему боссу, что ты меня лапал!

Но Вася, даже не дрогнув, несет меня в припаркованную прямо возле входа ауди представительского класса, ворча тихо:

– Не поверит, сами знаете, Ольга Викторовна. И не крутитесь, а то выроню, вот тогда мне в самом деле попадет... Вы устали, вам бы поспать, отдохнуть... В машине есть кофе, как вы любите, черный, крепкий, я туда немного коньяка добавил. Как раз силы поддержит. И еще перекусить кое-чего...

Он бормочет и бормочет, пока усаживает меня на заднее сиденье, пристегивает, заботливо подкладывает подушку под голову, открывает мини-бар, где в самом деле какая-то еда, сует мне в руки стаканчик с кофе, не обжигаящим, а таким, как я люблю, садится вперед, кивает водителю, чтоб трогал...

И я, ощутив неожиданно дикую усталость, просто не могу сопротивляться. Машинально отпиваю кофе, и по телу разливается блаженное тепло. Смотрю в окно, на мокрые улицы утреннего Питера, прихлебываю из стаканчика и думаю о том, что этот наглец всегда умел выбирать правильных людей. Потому и поднялся так высоко.

Машина подъезжает в высотному зданию в центре. Я выхожу, смотрю на себя в зеркальные двери и понимаю, что выгляжу на редкость нелепо и неуместно здесь, в форме скорой помощи, бледная, нечесанная, с такими черными мешками под глазами, что, кажется, будто глазницы провалились.

А потом мысленно машу рукой на это все. В конце концов, сам виноват. Вытащил меня со смены, силой приволок, как наложницу, вот пусть и получает жизнь без прикрас. И меня без прикрас.

Интересно, какого черта забыл в Питере? У него здесь офис, конечно же, как и во всех крупных городах, с размахом империя выстроена, но обычно все дела в Москве решает. А тут так... Непонятно, для чего завел...

Мы поднимаемся на лифте до самого верха. Я немного отдохнула, пока ехали, кофе с коньяком взбодрил, и в то же время успокоил. И я уже не хочу его убить.

Ну, может, только покусать...

Вася провожает меня по ультрасовременному здоровенному помещению к неприметной комнате в углу.

Я знаю, что он всегда, несмотря на возможность обживать огромные пространства, любил небольшие, уютные комнаты, с невысокими потолками и полумраком. И даже знаю, откуда эта привычка.

Вася остается снаружи, я толкаю дверь и захожу.

Он стоит у панорамного окна, смотрит на туманный город у своих ног. Победитель по жизни.

Высокий, худощавый, с прямой спиной, в строгом костюме. Короткая стрижка, руки в карманах.

Оборачивается.

И меня опять, как и всегда, оглушает его взгляд.

Холодный, острый, жестокий. Для других. Не для меня.

На меня он всегда смотрит так, словно я – самое прекрасное, самое невероятное, самое желанное в мире.

Он всегда так смотрел.

С самого первого раза.

С самой первой встречи.

Глава 2

Примерно двадцать лет назад...

– Ох, девочка, я не знаю, зачем вас вызвали... Все прошло уже.

Я с сомнением смотрю на чистенькую старушку в темном платке, сидящую на поребрике у часовни.

– Давайте давление сейчас померим, посмотрим...

Она послушно протягивает мне руку, я одеваю манжету, накачиваю, смотрю на тонометр. Повышенное, но не критично.

– Может, все же проедете с нами? До больницы?

Рядом бурчит что-то Лариса, моя медсестра, ей явно не нравится моя участливость.

– Нет, не надо доча... Я до своих дойду. Они тут все у меня. Сын, сноха, внуки... И муж тоже здесь... Сразу всех и повидаю...

Я убираю тонометр в сумку, прощаюсь и молча иду к выходу.

В конце концов, все, что могла, я сделала. Если она свалится прямо возле могил своих близких... Кто будет виноват?

Прохожу мимо ряда могил, глаз цепляется за мужчину, неподвижно сидящего у одной из них. И меня отчего-то бьет дрожью, столько в обычной, казалось бы, позе, напряжения.

Не люблю кладбища. Гнетущая атмосфера, флер безысходности и жути. Особенно наши, питерские не люблю. Особенно старые. Но Смоленское еще неплохо, по сравнению с другими. Как-то полегче здесь.

Смотрю на время. Скоро конец смены, скоро можно выдохнуть.

Лариса опять что-то бурчит и топает впереди меня к воротам, за которыми мы оставили машину.

Проезд очень узкий, да и ворота в вечернее время закрывают. Поэтому пришлось пешком.

Удивительно, что в такое время еще есть люди на кладбище.

Я опять смотрю на мужчину. Еще не поравнялась с ним, но уже скоро.

Видно, что высокий, короткие темные волосы.

Дорогое черное пальто. Шарф.

Сидит боком к проходу. Курит, странно держа сигарету в горсти. Так, что не видно ее практически.

Лариса ускоряется и выходит на ворота.

Я делаю еще пару шагов, равняюсь с мужчиной и опять смотрю на него зачем-то.

В сгущающейся темноте его фигура похожа на памятник. Такая же черная и недвижимая. Жуть.

Я хочу быстрее миновать его, ускоряюсь, и тут он поднимает голову и смотрит на меня. В упор.

Я спотыкаюсь и застываю на месте.

Его глаза в полутьме кажутся светлыми.

И пустыми. Холодными. Змеиными.

Да, это последнее сравнение очень актуально, потому что я стою, замороженная.

Он прищуривается, смотрит на меня, неторопливо затягивается... И отворачивается опять к надгробию.

И я, вроде, могу дышать. И, вроде, могу двигаться. И, вроде, могу идти...

Не могу.

– Простите, – мой голос в тишине и полумраке раздается очень громко, – у вас все в порядке?

Он опять поворачивается ко мне. Теперь уже немного удивленно смотрит, смеряя меня с ног до головы внимательным взглядом, от которого я ежусь.

– А что? По мне заметно, что не так?

Голос у него, вроде тоже тихий и спокойный, звучит гулко, и в то же время царапуче.

– Вообще-то заметно... Может, вам нужна помощь?

Он встает, докуривает в два затяга сигарету, тушит и прячет в карман пальто.

Пока я удивленно наблюдаю за этим, он успевает сделать несколько шагов в мою сторону.

И неожиданно оказывается рядом.

Я поднимаю подбородок, потому что он и в самом деле высокий.

Теперь, вблизи, я могу его лучше рассмотреть. Лет тридцать – тридцать пять на вид, тяжелая челюсть, небритость, усталые глаза, короткие волосы. Красивый.

– Ты совсем недавно работаешь, так?

Интересно, с чего взял? Неужели, настолько ребенком выгляжу?

– Почему вы так думаете? Я имею профильное образование, и еще повышение квалификации...

– Да нет... Просто наивная еще... Маленькая. Тебе сколько лет, веснушка?

– Мне двадцать один! И, если вам не требуется помощь...

– Ты до сколько работаешь?

– Смена скоро... А в чем дело?

– Я сегодня заеду за тобой.

– За-а-ачем?

– Ну ты же предлагала помощь?

И тут, несмотря на мой временный ступор, до отупевшего мозга начинает доходить... Он что, решил, что я к нему клеюсь? Что, прямо серьезно так решил? Что я на работе, идя с вызова, на кладбище...

Я сжимаю кулаки, отвожу взгляд, и резко шагаю в сторону. Мало тебе, Оля? Не поняла еще, за время стажировки в больнице и месяцы работы на скорой, насколько люди могут быть скотами?

Вот тебе очередное доказательство. Жри, не обляпайся.

Я обхожу мужчину, больше не глядя на него, подавленная осознанием собственной наивности и глупости, а он внезапно перехватывает меня за локоть, возвращает на место, и, несмотря на сопротивление, приподнимает подбородок:

– Эй, шипучка, ты чего? Испугалась?

– Отпустите, что вы себе позволяете?

Я и в самом деле шиплю, злобно выталкиваю слова сквозь зубы, дергаю подбородок, но он не пускает, смотрит внимательно, с удивлением и интересом:

– Да не бойся ты. Просто хотел поговорить...

– Нет!

Я рву локоть из его рук, и он неожиданно отпускает. Я тут же отшагиваю метра на полтора назад, ошарашенная произошедшим.

Сердце стучит так сильно и больно, что впору самой себе успокоительные колоть.

А он смотрит, смотрит так странно и необычно. Так на меня никто никогда не смотрел. Словно чудо природы какое-то видит...

И это вдвойне удивительней, потому что на чудо природы я вообще нигде не тяну. Худая, темноволосая, с постоянно насупленными бровями и злым взглядом. Не мечта поэта, короче говоря.

И поэтому я прихожу к мысли, что ему помощь все же требуется. Психиатра. Вот везет же мне! Опять на психа нарвалась!

Я делаю шаг в сторону, опасливо глядя на него.

Но мужчина стоит, не шевелясь, смотрит на меня. А потом улыбается.

И улыбка, надо сказать, невероятно его красит. Делает лицо моложе, взгляд теплее.

– До встречи, шипучка, – внезапно подмигивает он мне, не делая больше резких движений.

Я торопливо обхожу его, и бегу к воротам. Уже в машине, слушая ворчание Ларисы, опять натыкаюсь взглядом на высокую фигуру в черном пальто. Он стоит у большого автомобиля, судя по резкости линий, какого-то немца, в темноте не разглядишь. Понятно только, что дорогой и навороченный, ловит мой взгляд и опять подмигивает.

Я отворачиваюсь, чувствуя, как мороз по коже продирает.

Ничего себе я... Инициатива наказуема, как говорил наш старенький препод по фарме, оглядывая первые парты неудачников.

Нет уж. Теперь подходить только, если сами зовут. Да и тогда, с осторожностью.

Я вспоминаю странный взгляд пугающего мужика и опять вздрагиваю.

Рядом Лариса о чем-то переругивается с водителем, уговаривая его ехать побыстрее, а я закрываю глаза.

Конец смены. Устала.

Работа на скорой дается мне тяжело. Все же опыта мало, то, что было во время учебы в медколледже – не в счет. Да и что там было? Санитарка в отделении интенсивной терапии?

А здесь... Бесконечные разъезды, тряска, усталость от того, что на ногах и мотаешься, Бог знает, куда... И люди. Разные.

Иллюзии у меня развеялись в первые недели работы. Героический флер разлетелся в пух и прах о реальность, в которой ровным строем шагали бесконечные пенсионеры с давлением, температурой и сердцем. Многих из них бригады уже знали даже не в лицо, а, как поется в популярной песенке, по всем трещинкам... За два месяца моей работы на скорой, по настоящему тяжелые ситуации случались два раза.

Первый – упавший с высоты мальчик, которого мы довезли живым до приемного, а второй – наркоман с передозом. Его мы тоже довезли.

На станции я сдалась, переоделась и вышла на вечерний воздух.

И первое, что увидела – знакомую до боли черную машину.

Прямо у ворот станции.

Глава 3

*Не смотри назад, мой милый! Ну зачем тебе опять
Все, что было, что уплыло, все плохое
вспоминать?
Не смотри назад, не надо! Только хуже от того!
Прошлые... Случайным взглядом воскрешаешь
ты его!
Что в том прошлом? Боль и радость, и надежд
обманных сон,
И наигранная сладость, с горькой правдой в унисон.
Наши глупые ошибки, наше счастье и беда.
Все, что прочно было – зыбко! Пусть исчезнет
навсегда!
И пускай придаст мне силы твоя нежность в
трудный час.
Не смотри назад, мой милый! И беда минует нас.*

М. Зайцева.

Сегодня...

– Привет, Оля.

Я уже открыла рот, чтоб выдать ему вместо приветствия все, что думаю о его методах назначения свиданий, но он успевает раньше.

И выбивает из колеи этим своим простым «Привет, Оля».

Сразу как-то неожиданно колет сердце, и слезы на глазах выступают.

Я молча смотрю на него, такого высокого, строгого. Настоящий ариец.

Откуда что взялось?

Кажется, совсем недавно он был пугающим и жестким, но вполне себе русским мужиком. Непростым. Опасным. Но русским.

А тут... Холодная сдержанность, лицо такое... Безэмоциональное.

И только взгляд прежний.

Он внимательно смотрит на меня, потом как-то резко пересекает комнату, я даже и заметить ничего не успеваю, и вот уже рядом. И вот уже руки его на моей талии, сминают служебную робу, и взгляд ярких арийских глаз теплый такой, живой. Я хочу все же что-то сказать, я же не просто так... Я же...

Додумать не получается, потому что он целует. И обрушивает на меня такое родное, такое долгожданное (Господи, сколько же я ждала-то?) безумие.

Все, как в самый первый раз.

Остро, горячо, больно. И сладко. Я не сопротивляюсь больше. Не хочу ничего говорить.

Не надо нам разговаривать. Одни беды от этого.

Лучше отвечать на поцелуй, лучше упиваться родным вкусом, запахом, уже немного другим, с легким оттенком чужестранности, но все равно невероятно возбуждающим. Он по-прежнему властен, дик и по-животному требователен.

Интересно, он только со мной так?

Нет, не хочу думать! Не хочу и не буду!

Потом я, конечно же, ему все выскажу. Все. Но не сейчас.

Не после этого его царапуче-родного «Привет, Оля», не после жадного поцелуя, от которого ноги подкашиваются, и я с радостью обвисаю в его руках. Нет. Позже. Гораздо позже.

Он подхватывает на руки. Он любит это делать, использует любую возможность, чтоб показать свою власть, утвердить мою принадлежность. Ему.

Я не сопротивляюсь.

Я знаю, что в этом кабинете, в углу, есть широкая кушетка. Крепкая такая. Удобная.

Пока меня торопливо раздевают, я думаю о том, что весь день провела на работе, в этом белье и без душа, и, наверняка, это вообще не то, что требуется от женщины после полугодовой разлуки.

Но и эти мысли благополучно испаряются, когда он стягивает с меня футболку и смотрит на мою грудь в простом удобном лифчике. Так смотрит, как, наверно, ни на одного ангела Виктории Сикрет не смотрели никогда.

И от этого взгляда больно. Он мне всегда причиняет боль, даже когда любит.

Но я мазохистка. Мне это нравится.

– Сука... – бормочет он, переводит взгляд на мои губы, уже порядком припухшие от его несдержанных поцелуев, возвращается обратно к груди, – я так скучал... Так скучал, Шипучка моя... Олька...

И вот кто бы мне сказал, что я способна кончить только от его слов! От его взгляда! Холодная стерва Шепелева! Но способна! Только с ним. Только от него. Меня прошивает электричеством от головы до кончиков пальцев, трясет, и этого так мало!

Так невероятно мало!

Он смотрит, зрачки расширены, взгляд дикий. А потом без слов набрасывается на меня. Наваливается всем телом, целует, кусает, как одержимый, я не успеваю за ним, но и не отстаю, мне хочется большего, мне хочется его всего.

Сейчас. В эту секунду!

Форменные штаны рвутся по шву, белье трещит, не выдерживая натиска, а я успеваю только рубашку на нем рвануть, бессовестно расправляясь с чудом какого-то дизайнера, но мне нужно его тепло.

Сейчас. На моей коже.

Перевитый сухими мускулами торс. Он всегда был поджарый и острый, как гончая. Он и сейчас такой. Ни грамма жира, ни следа возраста. Татуировки. Их немного, но каждая знаковая. Это на пальцах он давно свел. А здесь оставил.

Я торопливо провожу по ним пальцами. Словно здороваясь с каждой, как со старой подругой. Сколько раз я их целовала! Каждый лучик у звезды прикусывала.

Я и сегодня это сделаю. Но опять позже.

Он возится с молнией на брюках, матерясь сквозь зубы. И я опять млею. Знакомые витиеватые выражения, выдающие его прошлое. Он только со мной такой несдержанный. Только со мной не скрывается.

А потом он обнимает, фиксируя за затылок, целует и одновременно делает рывок. В меня.

И да!

Я кончаю опять.

И это, конечно же, зависимость. Я – наркоманка со стажем в двадцать лет. И мой наркотик тяжелеет с каждым прожитым годом. Когда-нибудь он меня убьет.

Ощущать его внутри – это словно умирать. Я от каждого движения схожу с ума. От каждого толчка сердце останавливается. Маленькая смерть. Череду маленьких смертей. И воскресений. Это до того двойственно, до того чудовищно сладко и больно, что у меня потом даже не бывает определения происходящему.

Секс? Да какой, нафиг, секс? О чем вы? Секс – это механика. Просто механика. А здесь...

Я тянусь к нему навстречу, дурея с каждой секундой, я безумно раздражаюсь, что он одет, что не могу до конца прочувствовать его на себе, я зарываюсь пальцами в короткие волосы на

затылке, смотрю в глаза, гипнотические, жесткие, такие бездонные, словно в пропасть ныряешь, вниз головой. Летишь, зная финал и наслаждаясь последними секундами парения.

Я целую твердые губы, кусаю плечо там, где начинается шея, с мстительным удовольствием осознавая, что укус будет виден из-под строгой рубашки, и это заводит еще больше.

Он двигается так сильно, так грубо... Так правильно!

Так, как мне надо.

Как никто другой.

У меня не было возможности сравнивать. Он – мой первый и единственный мужчина. Но я уверена, абсолютно уверена, что ни с кем другим я никогда бы ничего подобного не испытала. Никогда. Это просто невозможно. Только с ним.

Я запускаю руки под ворот рубашки на спине, царапаю спину, стремясь оставить как можно больше следов на нем. Чтоб хотя бы какое-то время он видел эти знаки и вспоминал обо мне.

Потому что это для меня он – первый и единственный. А я для него...

Но не сейчас. Конечно, не сейчас.

– Олька, Олька моя... – шепчет он тихо и как-то болезненно, двигается все грубее, уже не думая обо мне, уже просто вбиваясь со всей силы так, что завтра тело, непривычное к таким нагрузкам, точно будет болеть, но опять же, это будет... – Олька, моя, моя, моя...

Я смотрю, как он кончает. Я, как всегда, не могу оторвать от него взгляда в этот момент, и, как всегда, одно это зрелище заставляет последовать за ним в удовольствии. Ослепительном, остром, жестоком.

Боль и сладость.

Как я люблю.

И как он любит.

Он еще какое-то время лежит на мне, шумно выдыхая, мягко целуя в висок, спускаясь к уху, облизывая мочку, дразня. Мне томно и сладко. Мне спокойно. Как всегда с ним.

Пока он не начинает говорить.

Не хочу, чтоб он говорил. Поэтому начинаю сама.

– Надолго в этот раз?

Он молчит, дышит, потом прикусывает напоследок шею, тоже оставляя след на видном месте, поднимается. Поправляет на ходу одежду, идет к столу, наливает воду себе и мне.

Он давно не пьет. Сигары – единственная слабость.

Ну, и еще я. По крайней мере, он так говорит.

– Посмотрим, как пойдет. Мне, вообще-то в Москву надо.

– А здесь тогда зачем?

Он режет меня взглядом, опять ставшим привычно жестким. И не отвечает. Пьет, ищет на столе гильотинку для сигар, потом спички... Короче говоря, совершает все привычно неторопливые действия, так успешно забивающие неловкие паузы.

И это меня опять заводит. Только не так, как ему понравится.

– И вообще, к чему был этот цирк с конями? Вернее, с одним конем? Неужели нельзя позвонить?

– А ты бы приехала?

Он садится в свое генеральное кресло, смотрит на меня пристально, окутывая себя сигарным дымом.

Я сажусь, еле сводя ноги, ищу белье, хмурюсь на разодранные форменные штаны, короче говоря, совершаю все привычные действия, так успешно забивающие неловкие паузы.

И это его заводит. И тоже совсем не так, как мне понравится.

– Олк. Олька...

– Что? Штаны порвал, как мне домой ехать теперь?

– Никак. Ко мне поедem.

– Размечтался. От тебя потом не уедешь, из этого твоего бункера гребанного... Не выпустишь же. А у меня смена завтра.

– Почему завтра? Ты же сегодня была?

– Ну и что? Попросили подменить...

Он молчит, хмурится сквозь сигарный дым, и я торопливо добавляю, чуя неладное и зная его дебильную способность влезать туда, куда не просят:

– Только попробуй!

Он молчит. Курит.

– Олег! Мне прямо сейчас уйти? Ты же меня знаешь, я Васю твоего прямо с окна выкину, если помешает!

– Иди ко мне, Шипучка, я скучал по-скотски просто.

Он говорит это так просто, так спокойно...

И я иду.

Забыв про злость, про то, что мы с ним опять чуть не повздорили.

Иду. Сажусь на колени, прямо в белье, с растрепанными волосами, несвежим после смены лицом, усталая и одинокая женщина.

И чувствую себя опять, как двадцать лет назад, молодой, веселой, участливой.

Совсем девчонкой, однажды пожалевшей страшного, опасного мужчину. Пожалевшей и полюбившей.

Дура такая была...

– Ольк... Может, поженимся все же?

Глава 4

Случайный прохожий

Я по улицам темным лечу, я бегу, знаю, нет мне прощенья.
Знаю я, что за все заплачу, заплачу за свое преступленье.
Только знания тут не спасут, понимание здесь не поможет.
Там, куда меня черти несут, ждет в машине Случайный Прохожий.
Он случайный, случайный во всем, но сейчас он любимый и близкий.
Там, куда меня ветер несет, ждет давно он с бутылкою виски.
Он подхватит меня на лету, ночь растает во мраке крошечном,
Никуда я теперь не уйду, да и он не отпустит, конечно.
Будет ночь фонарями пугать – мой Случайный Прохожий укроет.
На любую беду наплевать, потому что он рядом, со мною.
Руки сильные, пристальный взгляд – и я чувствую, что пропадаю,
Что уже не вернуться назад, что назад нет дороги, я знаю.
Вот машина. А вот и он сам. Пусть на улице мрачно, промозгло,
Подниму я глаза к небесам и увижу огромные звезды.

М. Зайцева.

Примерно двадцать лет назад...

Я иду по тротуару, не оборачиваясь, спиной чувствуя пристальный пугающий взгляд случайно встреченного мною сегодня вечером на кладбище мужика.

Мужчины. Взрослого, гораздо старше меня.

Он едет за мною, тихо-тихо, крадется на своей черной иномарке, а я даже и не знаю, как называется его зверь. У нас в последнее время, в последние примерно пять-семь лет, очень много таких появилось.

Черных, глянцевого машин с хищными, резкими силуэтами. И ездят на них тоже хищники. Жесткие, наглые, опасные. Этим хищникам плевать на закон, мораль и прочие глупости, о которых так сильно пеклась моя мама когда-то. Они делают, что хотят, берут, что понравится.

По какой-то причине сегодня ему понравилась я. Наверно. Или хочет поиграть. Хищники, бывает, играют со своими жертвами. Мягко гоняют, направляя лапами, из угла в угол, легонько прикусывают, чтобы распробовать. Получить удовольствие от ужаса, от безысходности слабого. Ненавижу их. Ненавижу.

За время работы в медицине, еще до скорой, санитаркой в терапии, я пару раз сталкивалась с такими. И прекрасно знаю, чего от них ожидать.

Я иду по тротуару, чувствую на себе черный жадный взгляд и понимаю, что дела мои плохи.

А, учитывая, что он изначально проявил типа уважение, то очень плохи.

Потому что я ответила не так, как надо. Как правильно. Плохо я ответила.

– Эй, Шипучка, – он вышел из машины, поигрывая ключами, пошел ко мне, неловко замершей возле ворот станции, – поехали прокатимся.

– Зачем это?

Я отступила назад, в панике прикидывая, смогу ли пробежать обратно на работу, пока меня не спалили. По всему выходило, что нет.

– Просто. Поговорим.

Он не улыбался. И смотрел. Ой, как смотрел! Внимательно, так, что у меня сердце падало в пятки.

– Мне не о чем говорить с вами. И некогда. И вообще...

С каждым словом я отодвигалась назад, в сторону тротуара, в сторону людной улицы, надеясь, что, если стартану сейчас, то он не успеет среагировать. А потом... Ну не будет же он меня на своих двоих догонять? Наверно, сначала в машину сядет. И пока вывернет, и пока выедет... Я уже затеряюсь среди толпы.

Но не затерялась. Не смогла. Или у хищника хороший нюх.

Мне совсем недалеко до дома, от станции СМП пешком до набережной лейтенанта Шмидта, где я живу одна в двухкомнатной квартире, единственными достоинствами которой являются высоченные потолки и вид на Неву.

Я иду, чувствуя, как потрясывает все внутри, и не могу придумать, куда бы вывернуть. Так, чтоб не привести зверя домой. И в то же время понимаю, что долго не побегаю. Если узнал, где работаю, значит, без особых проблем узнает, где живу. И явится прямо в квартиру. Единственными достоинствами которой... Ну вы поняли. Ветхая входная дверь, отсутствие света в парадной, пугливые соседи – это недостатки. Недостатки, которые сыграют ему на руку.

Никто не будет мне помогать, даже если закричу.

Даже если я сейчас закричу, никто не поможет.

Даже если он меня в машину затащит...

Но он только едет, тихо-тихо. И никто не сигналист. Все притормаживают, потом, улучив момент, объезжают. Неприкосновенный. Люди прекрасно знают, кто ездит в таких машинах, и не связываются.

В итоге меня от дикой дрожи начинает колотить, и становится сначала жарко, потом страшно... А потом яростно.

Я злюсь на себя, что вот так вот трушу, что иду, как зайчонок. Боюсь всего на свете!

Что сказала бы бабушка?

Моя бабушка, которая рассказывала, как отбивала пайку черного хлеба в блокадном Ленинграде, дралась с мужиками за нее! Которая убила человека, мародера, залезшего к ним в квартиру и попытавшегося напасть на них с братиком. Убила, вытащила на улицу и положила прямо возле парадной.

Она бы сейчас испугалась?

Она бы тряслась, как зайчонок, под пристальным жадным взглядом?

Я разворачиваюсь и быстро иду к черной машине.

Та останавливается, и водитель смотрит на меня в лобовое. Кажется, он удивлен.

Я сорвала тебе игру? Охоту? А, хищник? Ты не прав в определении.

Это я здесь хищник.

Я дергаю дверцу, открываю, сажусь в теплый салон.

И смотрю на своего преследователя.

– Смелая Шипучка, – улыбается он, и улыбка его красит. Я уже замечала это раньше, еще там, на кладбище. – Покатаемся?

– Мне на смену завтра. – Сухо говорю я.

– Ну тогда к тебе?

Он испытывает меня на прочность. Испугаюсь? Нет? Буду мяться? Откажусь? Заплачу? Соглашусь?

– Я живу на набережной.

Он кивает, в глазах на мгновение вспыхивает удивление, но тут же гаснет. Я для него становлюсь обычной. Как все. Он ждал чего-то другого. Интересно, сам может сформулировать, чего?

Пока мы едем, я не смотрю на него. Только перед собой, на дорогу. И успокаиваю дрожь в пальцах и губах.

Не надо, чтоб видел. Хищники чувят страх. И рвут на части сразу.

Он может разорвать меня. Прямо в машине. А что ему стоит? Что я смогу ему возразить? Я даже ударить не смогу, глупая добыча, вообразившая себя хитрой.

В машине приятно пахнет. Кожаный салон, дорогая отделка. Я усмиряю любопытство, хотя до этого ездила только в отечественных автомобилях, да и то нечасто.

Не хочу, чтоб думал, что мне интересно.

– Как тебя зовут, Шипучка?

– Ольга.

– Благородно. Меня – Олег.

– Литературно.

– Смеешься?

– Нет. «Песнь о Вещем Олеге», помните?

– Нет. Про что это?

Я разворачиваюсь и не могу скрыть любопытства, потому что впервые вижу человека, который не знает Пушкина. Шутит? Нет?

И понимаю, что нет. Не шутит.

– Это про Вещего Олега, был такой князь в Древней Руси. Ему кудесник предсказал, что он умрет от своего коня. И Олег приказал не подпускать к себе своего коня. Но предсказание все равно сбылось.

– Не верю гадалкам. Все будет так, как ты сам хочешь, – спокойно говорит он, – куда сворачивать?

Я показываю поворот к дому.

Мы останавливаемся во дворе.

Олег смотрит на меня, улыбается. А взгляд по-прежнему спокойно-тяжелый.

– Спасибо, что подвез, Олег, – с достоинством говорю я, киваю и выхожу из машины.

Он молчит, и теперь его молчание звучит немного удивленно.

А я иду к парадной, выпрямив спину и думая только о том, что вот сейчас хлопнет дверь машины, и он догонит, вот сейчас, сейчас, сейчас...

– Эй, Шипучка, до встречи! – его голос косит ноги похлеще любого действия, я еле удерживаюсь, чтоб не упасть, поворачиваюсь, вспоминая наставления бабушки о том, как надо держать спину, как надо поднимать подбородок, как надо смотреть...

И киваю. С достоинством.

Ноги перестают меня держать прямо за дверью парадной. Я хватаюсь за перила, стараюсь дышать, но получается не очень хорошо. Дерьмово получается, откровенно говоря.

Непонятно, откуда силы взялись красиво дойти, красиво зайти.

Боже, а я, наверно, выгляжу на редкость смешно...

Я поднимаюсь к себе на третий, открываю дверь, захожу, включаю свет и утыкаюсь взглядом в напуганную бледную девчонку, что смотрит на меня из старинного зеркала в массивной резной раме. Девчонка одета в старенькие разбитые сапоги, страшненькую куртку на рыбьем меху. У девчонки возбужденно блестящие глаза, тени от усталости под ними, выющиеся в беспорядке волосы и искусанные губы.

Девчонка вообще не похожа на ту, что может заинтересовать такого человека. На такой машине. Такого страшного, опасного человека.

Странного хищника, отпустившего ее сегодня.

Отпустит ли в следующий раз?
А будет он, этот следующий раз?
А хочет она, эта девчонка, чтоб он был?
Следующий раз?

Глава 5

Сейчас

Я смотрю, как за Шипучкой закрывается дверь.

Все, как всегда. Ничего нового. После разговора про женитьбу она смеется, качает головой и переводит тему. Потом мы обычно занимаемся сексом. Как одержимые. Как всегда с ней. С самого нашего первого раза.

Когда я дожимаю ее до ответа, а это случается нечасто, то обычно слышу «нет».

Всегда слышу «нет». Все годы, что мы знакомы. Я ей делал предложение... Сука... Я даже не помню, сколько раз.

Наверно, каждый раз, как встречаемся.

И всегда «нет».

Правда, справедливости ради, стоит отметить, что «да» тоже было. Один раз.

Но потом я облажался, и больше такого не повторялось.

Она очень конкретная и памятливая баба, моя Шипучка. Так сразу и незаметно, одуванчик же, мать ее.

Вот всегда меня, после встреч с ней, пробивает на русский мат.

Давно живу в Мюнхене, даже в мыслях говорю по-немецки. И ругаюсь тоже, хотя их мат скучный. Как и английский, впрочем.

Но мне редко приходится материться. Даже про себя. Хватает взгляда, чтоб все всё поняли. А там, где не доходит взгляд, добивают слова. Короткие приказы. И вот для них лучшего языка, чем немецкий, не придумать. Нигде не умеют так жестко хлестать звуками.

Я смотрю на закрытую дверь, потом откидываюсь на спинку кровати, где мы с ней провели всю ночь, и ни разу глаз не сомкнули. Прихватываю ее подушку, прижимаюсь лицом. Как идиот. Хотя, почему как? Идиот. Опять облажался. Опять полез с этим гребанным замужеством. Но вот все мне кажется, что это какой-то рубеж, что-то основательное. Мне хочется видеть в ее паспорте штамп со своей фамилией, как тавро принадлежности. Хочется, чтоб она носила мою фамилию. Новую. Фрау Троскен... Красиво. Очень красиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.